

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ДОКОЛОНИАЛЬНАЯ АФРИКА В ТРУДАХ Ш. А. ДИОПА

Среди работ африканских историков, увидевших свет за последние полтора десятилетия, исследования сенегальского ученого Шейха Анта Диопа занимают несколько особое место. По сути дела он единственный среди своих коллег предпринял попытку (и, надо сказать, довольно небезуспешную) создать целостную и последовательную концепцию исторического развития Африки в доколониальный период, концепцию, которая как-то объясняла бы причины специфики этого развития. Свои взгляды Ш. А. Диоп изложил в серии работ, первая из которых была опубликована в 1955 г.¹ Специально историческим проблемам посвящены две более поздние работы — «Доколониальная Черная Африка» и «Первобытная история человечества: эволюция черного мира»². Вторая с очень небольшими дополнениями вошла в состав последней книги Диопа, как бы подводящей итог предшествующим его исследованиям: «Первенство негритянских цивилизаций — миф или историческая правда?»³. В эту книгу автор нашел нужным включить и свой ответ на критику его трудов 1955—1960 гг., впервые опубликованный в 1962 г.⁴

Историческая концепция Ш. А. Диопа, безусловно, заслуживает специального рассмотрения. С наибольшей полнотой она отражена в «Первенстве негритянских цивилизаций...». Эта книга охватывает очень широкий круг проблем — историко-этнографических, социально-исторических, лингвистических, историко-культурных, и нет никакой возможности уделить всем им должное внимание в рамках одной статьи. В частности, не рассмотрена лингвистическая аргументация сенегальского исследователя, а только вопросы социально-экономической и культурной истории доколониальной Африки в его изложении. При этом следует иметь в виду, что «доколониальная Африка» Диопа, строго говоря, ограничена обществами и государственными образованиями Западного Судана; экскурсы в историю других регионов континента носят скорее случайный характер (если исключить значительное место, уделяемое Древнему Египту).

Исходной точкой подхода Ш. А. Диопа к изучению истории Африки служит тезис о решающем преимуществе историка-африканца перед европейским исследователем при изучении этого круга проблем. Он обосновывается тем, что только человек, видящий изучаемое общество «изнутри», сможет понять все явления в их связи и взаимодействии, тогда как ученый, не принадлежащий к изучаемому обществу, неизбежно придет в конце концов к утрате общей перспективы, ибо он находится «с внешней стороны фактов» (стр. 26)⁵. Больше того, Диоп резко обрушивается на аналитический метод исследования, присущий, по его мнению, европейской науке, и обвиняет ее в уклонении от синтеза и в стремлении «растворить коллективное историческое сознание», свойственное, как он полагает, африканцам.

¹ Ch. A. Diop, Nations Nègres et culture, Paris, 1955. См. также: его же, Apports et perspectives culturels de l'Afrique Noire, «Présence Africaine», No VIII—IX—X, 1956; его же, L'unité culturelle de l'Afrique Noire, «Présence Africaine», No XXIV—XXV, 1959; его же, L'unité culturelle de l'Afrique Noire, Paris, 1960; его же, Les fondements culturels, techniques et industriels d'un futur état fédéral d'Afrique Noire, Paris, 1960.

² Ch. A. Diop, L'Afrique Noire pré-coloniale, Paris, 1960; его же, Histoire primitive de l'Humanité: évolution du monde noir, BIFAN, t. XXIV, 1962, sér. B, No 3—4.

³ Ch. A. Diop, Antériorité des civilisations Nègres: mythe ou vérité historique, Paris, 1967.

⁴ Ch. A. Diop, Réponses à quelques critiques, BIFAN, t. XXIV, 1962, sér. B, No 3—4.

⁵ Здесь и далее в тексте указаны страницы последней книги Диопа. Ср. также: Ch. A. Diop, Réponses à quelques critiques, pp. 548—549, 584.

Нельзя, конечно, отрицать, что одни и те же явления могут по-разному восприниматься и осмысливаться. Но нельзя и забывать того, что аналитическая стадия исследования обязательно должна предшествовать синтетической (мы уже не говорим о неправомерности огульного обвинения всей европейской науки в нежелании осуществлять синтез). Кроме того, точка зрения ученого, его выводы в огромной степени зависят от общественной позиции, которую этот ученый занимает, т. е., по существу, они классово детерминированы. Достаточно, например, сравнить работы самого Ш. А. Диопа и исследования, скажем, К. А. Бусиа, чтобы убедиться, что для авторов-африканцев этот принцип классовой детерминированности в такой же мере действителен, как и для всех иных.

В то же время тезис о специфичности «африканского исторического сознания» заключает в себе возможность разрыва единой исторической науки на «региональные», что едва ли можно рассматривать как шаг вперед в ее развитии. А с другой стороны, поскольку Диоп главной целью своих исторических исследований считал сопоставление форм культурного, общественного и государственного развития в Африке и в Западной Европе⁶, и к тому же он вообще склонен противопоставлять Европу и «европейское» — Африке и «африканскому вообще», то вполне закономерно, что такой акцент на различиях, действительных или кажущихся, привел его в конечном счете к резкому противопоставлению хода исторического процесса в Африке и в других частях ойкумены и, по существу, к отрицанию единства этого процесса.

Кроме того, необходимо иметь в виду еще одну важнейшую особенность методологической позиции Ш. А. Диопа. Для него, как и для многих других африканских авторов, особенно — разделяющих в той или иной степени концепции «негритюда», приоритет при изучении исторических явлений, безусловно, должен принадлежать фактам культуры, даже более узко — фактам духовной культуры. Собственно говоря, все социально-экономические и историко-политические построения Диопа создаются как бы попутно, как аргументы в пользу историко-культурной концепции автора. Отсюда и проистекает обычное для его работ нечеткое разграничение явлений базисного и надстроечного характера в истории Африки.

В последней книге Диопа, вышедшей в свет в 1967 г., эти по существу идеалистические тенденции получили, пожалуй, самое полное развитие, но проявились они уже в работах 1955—1956 гг. Поэтому Ш. А. Диоп может по праву считаться первым теоретиком «африканского пути» в историческом развитии общества. Такая теория, как правильно отметила немецкий историк Т. Бютнер, сложилась в результате того, что центр тяжести понятия «африканская личность» переместился на подчеркивание особого, якобы бесклассового характера африканских обществ в доколониальное время⁷.

Именно постулат о бесклассовом характере африканского общества в доколониальный период и служит основой всей концепции Ш. А. Диопа. Такая особенность выводится им прежде всего из утверждения об отсутствии в Африке частной собственности — точнее о «маргинальном» положении последней, что, по мнению автора, является одной из важнейших отличительных черт материнского рода (стр. 120). Эта форма рода рассматривается как исконно африканская и в качестве таковой противопоставлена роду отцовскому. Последний же, по мнению Диопа, характерен для народов индоевропейской семьи, даже для «индоарийцев» (стр. 115). Сенегальский исследователь отмечает различие в экономической основе разных форм родовой организации (типологии этих форм посвящена специальная глава «Первенства негритянских цивилизаций»). Трудно возражать против утверждения о связи разных форм рода с разными формами собственности, но едва ли можно согласиться с утверждением, будто «арийцы» (сохраняя в данном случае терминологию Диопа) всегда, т. е. изначально, знали только отцовский род. На стр. 76, например, он заявляет, что матрилинейный счет родства и авункулат были заимствованы Европой из Африки. Далее, впрочем, Диоп совершенно открыто говорит, что у индоевропейских народов не существовал материнский род (стр. 119—120, сн. 5). А между тем современное состояние науки не дает сколько-нибудь убедительных оснований к пересмотру тезиса Моргана и Энгельса о всеобщности первичного характера материнского рода⁸.

Но Ш. А. Диоп не ограничивается этим. Среди отличительных черт «индоевропейского кочевого рода» им выделяются такие, как «четкое понятие частной собственности, обожествляемой с самого начала» (стр. 117) и «индивидуализм», противопоставляемый африканскому исконному коллективизму (там же). И хотя автор мимоходом как будто выражает согласие с положением Энгельса о сравнительной легкости индивидуального присвоения скота и продуктов животноводства как факторе, способствовавшем появлению частной собственности у кочевников, однако практически в дальнейшем у Диопа и частная собственность, и классовый характер европейских обществ выводятся не из их экономики, а из «индо-арийского индивидуализма», а то и из «арийского духа»

⁶ Ch. A. Diop, *Réponses à quelques critiques*, pp. 566—567.

⁷ T. Büttner, *Probleme des Feudalismus in Afrika in der vorkolonialen Periode*, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Jhg. XII, H. 3, 1964, S. 462.

⁸ См. например, материалы симпозиума «Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии», «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967.

(стр. 127—128, 134, 147) ⁹. Более того, тезис этот истолковывается автором очень расширительно, и именно им, по существу, Диоп объясняет и социальную и политическую организацию как кочевников, так и общество греко-римской античности, противопоставляемых Древнему Египту и — через него — доколониальной Тропической Африке. Он говорит о «предсуществовании» (préexistence) частной собственности (стр. 128; здесь она выводится уже из семейных культов — *religion domestique*), да еще подчеркивает очень древнее ее происхождение (стр. 118, сн. 1) и даже не ставит вопрос, когда же, собственно, она возникла? У читателя появляется подозрение, что автор признает для европейских обществ извечный характер частной собственности...

Рассматривая африканские общества доколониального времени, Диоп исходит из предпосылки, что разделение труда в этих обществах повело к делению общества на профессиональные касты, которые им противопоставляются антагонистическим классам античности и средневековья Европы. Смысл кастовой организации, как полагает автор, заключался, помимо прочего, в том, что в ней отсутствовали ограничения материального характера: моральное (точнее, конечно, «социальное». — *Л. К.*) «стечуждение» члена касты не сопровождалось покушением на его имущественные права (стр. 91). В условиях натурального хозяйства, а также при отсутствии в доколониальной Африке индивидуальной земельной собственности (это, кстати, непосредственно выводится из авторской характеристики «исконно африканского» материнского рода — стр. 120) отсутствовала возможность накопления богатства в одних руках и, следовательно, утверждает Диоп, не могла возникнуть и эксплуатация малоимущего члена общества более состоятельными. Больше того, Диоп настаивает на том, что не аристократия эксплуатировала членов ремесленных каст, а наоборот: щедрость аристократов в отношении ремесленников оказывается в его изложении формой эксплуатации знати этими последними (стр. 129). Все это вместе взятое создает в обществе определенное социальное и имущественное равновесие. В этой обстановке неоткуда появиться революционным элементам, — и отсюда проистекает, по Диопу, общая консервативность доколониальной Африки, отсутствие в ней социальных переворотов. Таким образом, наличие антагонистических классов и классовой борьбы решительно отрицается. Известно, правда, что в индийских условиях кастовая организация прекрасно совмещалась с классовым обществом и стала действенным орудием эксплуатации. Это признает и Ш. А. Диоп, но он полагает, что различие между кастовой организацией в Индии и в Африке заключается в том, что кастовая система дравидов и мунда была приспособлена арьями при завоевании Индостанского полуострова к новой реальности путем введения в нее имущественных ограничений, чего не было в африканских обществах (стр. 129) ¹⁰.

Точка зрения Диоп оказывается внутренне противоречивой. Во-первых, если даже оставить в стороне несомненную идеализацию хорошо известного этнографам использования знатью древних традиций родовой взаимопомощи, следует иметь в виду, что социальный состав традиционного африканского общества вовсе не исчерпывался аристократией и ремесленными кастами. Эти социальные категории даже не составляли большинства. Ведь и сам Диоп, описывая древнеегипетское и традиционное африканское общество (по его мнению, они идентичны в смысле социальной структуры), говорит о «мелком свободном крестьянине, обязанном податями и обработкой» (стр. 130), равно как и о нескольких группах рабов ¹¹. Не будем углубляться в вопрос, в какой мере схема Диоп справедлива для Древнего Египта — это дело египтологов. Что же касается средневековой Западной Африки, то мне представляется недостаточно убедительной попытка распространить на все общества этого региона в указанное время формы, характерные для общественного строя волофов в довольно поздний период (конец XIX — начало XX в.). В частности, предлагаемая Диопом схема распределения рабов по трем категориям — царских, «рабов семьи матери» и «рабов семьи отца» — основана именно на этом материале. Но имеющиеся источники по истории трех крупнейших государственных образований этой части Африки — Ганы, Мали и Сонгаи — не содержат упоминаний о такой градации. В них речь идет о рабах военных, рабах, сажаемых на землю, и рабах, предназначенных на продажу. Точно так же схема, предлагаемая Диопом, отсутствует и в этнографических описаниях народов Западной Африки, сделанных в конце XIX — начале XX в. Наконец, в очень интересной работе другого сенегальского ученого, П. Дианя, классификация рабов в соседних с вольфским обществах выглядит совсем иной, чем у Ш. А. Диоп ¹².

Далее, раз сам Диоп признает существование крестьянских повинностей, непосредственно говорить об отсутствии эксплуатации в таком обществе. Тем более что рядом со свободным крестьянином существовал довольно многочисленный и активный слой посаженных на землю рабов. И самый факт их эксплуатации, и формы ее довольно подробно освещены местными письменными источниками. Диоп, конечно, прав, говоря, что предрабские касты, связанные с сословно-кастовой структурой традиционного общества, препятствовали объединению этих двух социальных групп для борьбы за изменение своего социального положения (например, на стр. 131). И все же местные

⁹ Ср. также Ch. A. Diop, *Afrique Noire pré-coloniale*, p. 119.

¹⁰ Там же, стр. 15—16.

¹¹ Там же, стр. 8—11.

¹² P. Diagne, *Pouvoir politique traditionnel en Afrique Occidentale*, Paris, 1967, pp. 67—71.

хроники сохранили упоминание о каких-то совместных выступлениях обеих этих категорий эксплуатируемого населения¹³.

Ш. А. Диоп определенно признает застойный характер африканских обществ доколониального периода, их, как он выражается, «небывалую стабильность». Правда, в работах 1960-х годов он уже признает, с одной стороны, что наличие общественных классов — истинный двигатель истории (стр. 94)¹⁴, но с другой — решительно отрицает существование таких классов в доколониальной Африке. Классовой организации противопоставлена кастовая. Самый термин «класс» Диоп считает «неподходящим» в применении к Египту и Тропической Африке и ставит его в кавычки (стр. 130). И при этом, как бы мимоходом, отмечает: «когда класс отрицает себя в касте, общество засыпает» (стр. 96)¹⁵. Если отбросить преувеличение Диопом роли кастовой организации, то нужно сказать, что сама по себе эта мысль заслуживает внимания.

Наконец, в свете накопленных наукой знаний о социально-экономической и государственно-политической структуре Древнего Египта весьма сомнительной кажется идиллическая картина, рисуемая Ш. А. Диопом на основании труда Ж. Пиренна¹⁶ (и только его одного). И, желая ее обосновать и сделать более убедительной, Диоп обращается к понятию «азиатского способа производства» (впрочем, сам он предпочитает говорить об «африканском или азиатском способе»). Насколько мне известно, Ш. А. Диоп первым среди историков-африканцев обратил внимание на дискуссию вокруг этой проблемы, начатую французскими учеными-марксистами, и попытался вслед за ними применить ее материалы к африканской действительности. Это, бесспорно, следует считать его заслугой.

Но использует Диоп концепцию «азиатского способа производства» довольно своеобразно. Если отвлечься от повторов и экскурсов в этническую историю и иные смежные дисциплины, его точка зрения сведется к следующему. В Древнем Египте, обществе с азиатским способом производства, по мнению Диопа, главное внутреннее противоречие заключалось в том, что земля, оставаясь теоретически в распоряжении центральной власти, на практике была уже отчуждаема, и коллективный характер земельной собственности становился в значительной мере номинальным. Это противоречие достигло достаточного развития для того, чтобы подготовить распад единого государственного организма. Но в то же время власть сохраняла равновесие, взимая «разумные» подати (стр. 158, 181). Массового использования рабского труда Египет не знал, поскольку личная свобода рядового египтянина была неотчуждаема. Это и предотвратило превращение капиталистических элементов в Египте в «сильный капитализм» (Диоп считает, что в Египте существовал капиталистический способ производства, хотя и в маргинальной форме, стр. 159). Очевидно, Диоп, заимствуя у Маркса понятие «азиатского способа производства», в то же время прошел мимо указания Маркса на то, что капитал торговый и ростовщический (а что Диоп пишет именно о нем, ясно показывает весь текст соответствующего раздела главы VIII «Первенства негритянских цивилизаций») возникает гораздо раньше, чем капитализм, как способ производства.

Можно сразу же заметить и еще одно противоречие в концепции Диопа. Он пишет о наличии в Древнем Египте свободной рабочей силы, которая могла использоваться на договорной основе, так же, как «рабочая сила сегодняшнего капиталистического строя» (стр. 159). Эта рабочая сила будто бы и обеспечивала возможность развития в Египте капиталистической практики. Остается только ответить на вопрос: откуда эта свободная рабочая сила бралась? Если за счет свободного сельского населения, то это предполагает довольно продвинувшуюся имущественную поляризацию. Но признание последней находится в противоречии с тезисом об имущественном равновесии в обществе... Вопрос так и остается открытым — вернее, автор просто не замечает его.

Известно, что Древний Египет располагал большими массами рабов, которые довольно широко использовались в экономике. Однако Ш. А. Диоп считает, что эксплуатация рабского труда носила лишь побочный характер, тем более, что рабы всегда были этнически чужды коренному населению и не составляли большинства в стране. А подобное большинство представляется Диопу одной из необходимых предпосылок для попытки революционного преобразования общества (такова, например, его оценка развития греческого полиса — стр. 172, 181)¹⁷. Именно отсутствие численного преобладания рабов в древнеегипетском обществе служит в конечном счете решающим, с точки зрения Диопа, доводом в пользу отсутствия в Египте (а в дальнейшем этот вывод экстраполируется и на всю доколониальную Африку) рабовладельческого способа производства. Но отсутствие последнего предопределяет, по твердому убеждению автора, и отсутствие в обществе революционного духа (стр. 180, 182).

В этой связи стоит упомянуть, что здесь Ш. А. Диоп дает уже иное определение движущей силы исторического развития, нежели приведенное выше. Оно гласит: «В последнем счете движущая сила истории заключается в воле угнетенных классов к освобождению от своего положения. Если это последнее нетерпимо, если оно стало с че-

¹³ «Tarikh el-Fettach... par Mahmoud Kâti... et l'un de ses petits-fils», Texte arabe éd. par O. Houdas et M. Delafosse, Paris, 1913, p. 182.

¹⁴ Cp. Ch. A. Diop, Histoire primitive de l'Humanité, p. 519.

¹⁵ Там же, стр. 521.

¹⁶ J. Pirenne, Histoire de la civilisation de l'Égypte antique, I—III, Paris, 1963.

¹⁷ Cp. Ch. A. Diop, L'Afrique Noire pré-coloniale, pp. 25—28.

ловеческой точки зрения невыносимым, возмущенное сознание становится революционным» (стр. 181). Никому, конечно, не придет в голову отрицать важнейшую роль субъективного фактора в историческом процессе. Но в столь категорической формулировке заложена возможность признания его главным в развитии общества, с чем уже никак нельзя согласиться.

Видимо, чувствуя это, Диоп вводит в свою концепцию социальных революций в докапиталистических обществах и объективный элемент. Таковым оказывается у него территория, занимаемая данным обществом, т. е., по существу, географический фактор (стр. 154, 181, 182, 186—187). Древний Египет, говорит Диоп, прошел в своем развитии три почти одинаковых цикла: объединение страны, централизация власти, сочетающаяся с мощным бюрократическим аппаратом; «феодализация», т. е. раздробление земельной собственности, и распад единой власти и единого государства (стр. 125). Причиной падения единого государства, продолжает он, в конечном счете всегда оказывались революционные движения низов общества; тем не менее угрозы самой идее единого царства не возникало, и оно после распада всякий раз воссоздавалось вновь. По мнению Диопа, именно наличие достаточной территории (наряду с «исконно африканской» приверженностью к монархической форме правления, на чем Диоп очень настаивает) давало возможность сохранения царской власти (которая уходила на юг, в Верхний Египет) и восстановления единства после его распада в предшествующем цикле. Более того, он не только ставит в один ряд «волю угнетенных классов» и пространство, но и помещает пространство на первом месте (стр. 154). Важность географического фактора для развития исторического процесса несомненна, особенно на ранних его стадиях, однако нельзя согласиться с его абсолютизацией Диопом. Видимо, не случайно он почти не затрагивает действительно главный фактор исторического развития всякого человеческого общества — его производительные силы, их развитие¹⁸.

Итак, по Диопу, африканская история в силу отсутствия на континенте классовых обществ была избавлена от крупных социальных потрясений (стр. 196). Такое обобщение вытекает из тезиса об определяющей роли рабовладельческого способа производства во всей социально-экономической эволюции человечества вне Африки: феодальный способ производства «в западном смысле» есть, по мысли Диопа, слегка замаскированный рабовладельческий. И так как феодализм порождает капиталистическое производство, а оно, в свою очередь, приводит к социализму — значит, определяющая роль рабовладельческого способа производства в восходящем развитии человечества считается доказанной (стр. 187). И далее: раз в Африке не было рабовладельческого способа производства, то и феодальный, и капиталистический тоже не могли развиваться. И в конечном счете перед читателем предстает в слегка завуалированной форме довольно распространенный среди африканской интеллигенции тезис об «исконно социалистических» традиционных африканских обществах.

Можно согласиться с тем, что рабовладельческий способ производства не получил в Африке распространения. Но едва ли концепция Диопа об определяющей роли рабовладельческого способа на всем протяжении истории человеческого общества в Европе и Азии приемлема в целом. Если ограничиться только главными возражениями, то, во-первых, не выдерживает критики объявление феодального способа производства вариантом рабовладельческого: слишком различны их экономические основы. Кстати, если Диоп отрицает существование в Африке, «западного» типа феодализма (и действительно, в Тропической Африке к нему приближается только феодализм Эфиопии), то варианты «чисто африканских» тоже достаточно. Можно назвать хотя бы Буганду или Сонгайскую державу.

А во-вторых, не нужно забывать, что азиатский способ производства, как его понимал Маркс, это тоже классовое общество — пусть раннеклассовое, но все же классовое. И с этой точки зрения признание доколониальных африканских обществ обществами с азиатским способом производства неизбежно опрокидывает самую основу концепции Ш. А. Диопа: утверждение о бесклассовом характере развития доколониальной Африки. Таким образом, нужно приветствовать обращение африканского историка к теоретическому наследию основоположников научного социализма, но едва ли

¹⁸ Надо сказать, что и говоря о классообразовании в античном мире, Диоп решающее место в этом процессе отводит не развитию общественного производства, а завоеванию, за которым следовало лишение коренного населения завоеванных областей основных гражданских прав. В этом, как и в истолковании последующего социально-экономического развития Средиземноморья, он полностью следует за Фюстель де Куланжем, воспроизводя обширные выдержки из «*La cité antique*» (см., например, Ch. A. Diop, *L'Afrique Noire pré-coloniale*, pp. 10—11). Но первое издание этого труда вышло в 1864 г., и при всем уважении к авторитету великого французского медиевиста можно все же пожалеть, что позднейшие исследования не заслужили внимания Ш. А. Диопа.

Концепция Фюстель де Куланжа играет решающую роль и при оценке Диопом азиатского способа производства. В таких обществах, считает он, не было порабощения одной расы другой, что привело бы к сложению частной собственности и возникновению классовой борьбы; эти общества — «результат организации... совместной оседлой жизни «гражданами» одной территории» (см. Ch. A. Diop, *Antériorité des civilisations Nègres*, стр. 188).

возможно согласиться с тем, как оно применяется, и с теми выводами, какие из него сделаны.

Сообразно приведенной выше схеме строится у Ш. А. Диопа и схема политической и государственной организации доколониальной Африки. Традиционные общества рассматриваются как своего рода «конституционные», где обычай обеспечивал равное и справедливое представительство всех слоев населения, исключая все тех же «рабов семьи отца» (правильнее, видимо, говорить о рабах, предназначенных для продажи.— Л. К.). Некоторые оговорки не меняют существа точки зрения автора (стр. 265)¹⁹. По мнению Диопа, такое общество в любом случае «обязано своей сплоченностью, своей устойчивостью защите материальных интересов трудящегося класса»²⁰. Эта точка зрения, впервые сформулированная в 1955 г., по существу остается без изменения и сейчас.

Отмеченный выше случай употребления определения «класс» носил в ранних трудах Диопа единственный и скорее исключительный характер. Однако в 1962 г. он уже начал как будто допускать определенную эволюцию африканских обществ доколониального периода в сторону классовых обществ. В «Первобытной истории человечества» впервые вводится троякая классификация традиционных обществ и соответствующих им форм политической организации²¹. Эта классификация вошла и в последнюю книгу Диопа (стр. 90—92).

Диоп выделяет, во-первых, общества родовые и «племенную царскую власть» (*gouauté tribale*); во-вторых, сакральную монархию, конституционную или абсолютную; и в-третьих, «торговую царскую власть» (*gouauté mercantile*), где кастовый строй имеет тенденцию уступить место классовому обществу. Но характерно, что в последнюю категорию попадают только Бенин и Дагомея, причем даже в этом случае сохраняется подозрение, что в сложении классового общества повинны, быть может, контакты с «европейским меркантилизмом» (стр. 92). Что же касается суданских обществ и государств, включая сюда и такие, как Гана, Мали или Сонгай (а аргументация Диопа в значительной степени строится на их материале), то они оказываются совсем обделенными. Совершенно неясными остаются как причины возникновения, так и характер этих государств. Едва ли может помочь ссылка на заимствование традиций древнеегипетской государственности: это и само по себе еще недостаточно доказано, а кроме того, даже в случае такого заимствования нужен был какой-то местный субстрат, на который могли бы наложиться предполагаемые древнеегипетские влияния (о преувеличении этих влияний в концепции сенегальского исследователя у нас еще будет идти речь в дальнейшем)²².

По-видимому, автор сам чувствовал недостаточность приведенной выше классификации. Поэтому в последней его книге появляется и новая схема классификации, основанная как на надстроечных факторах, так и на различных формах базиса (стр. 195—196). Здесь выделены с точки зрения общественной организации: родовые и племенные общества; общества на стадии военной демократии (это, видимо, вызывало у Диопа некоторые сомнения — они отразились в условном характере отнесения к военным демократиям зулусского общества во времена Чаки); наконец, «детрибализованные монархические общества», в которых общественное разделение труда повело к сложению кастовой организации. С другой стороны, в экономической области также выделены три категории (сам Диоп называет их «способами производства»). Такowymi оказываются, во-первых, «лесной» способ производства, т. е. охота и собирательство; «родовой способ производства», основанный на земледелии и скотоводстве при сохранении коллективного характера земельной собственности (притом особо подчеркивается, что африканский род уже не находится на стадии первобытного коммунизма); в-третьих, «способ производства, свойственный монархическим обществам с кастами, который обозначается как «африканский» или «азиатский».

Диоп не устанавливает соответствия между различными формами базиса и надстройки, существующими, по его мнению, в африканских условиях. Можно, однако, предположить, что «родовой способ производства» понимается им как переходная форма от родовой общины к сельской, поскольку отрицается свойственный родовому обществу первобытно-коммунистический принцип распределения. Но в таком случае второй и третий из перечисленных сенегальским историком «способов производства» в большой мере совпадают, так как именно такой переходный характер носит община, лежащая в основе азиатского способа производства по Марксу. И в итоге перед нами снова тезис о единой в смысле социально-экономической организации Африке, где классовая структура не получила распространения из-за широкого развития кастовой организации — тот самый тезис, о внутренней противоречивости которого шла речь выше.

Таким образом, можно сказать, что аргументация Ш. А. Диопа не дает достаточно убедительных подтверждений его мнения о полной противоположности хода историче-

¹⁹ Cp. Ch. A. Diop, *L'Afrique Noire précoloniale*, pp. 59—60.

²⁰ Ch. A. Diop, *Nations Nègres et culture*, p. 357.

²¹ Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, pp. 516—517.

²² Автор этих строк в свое время попытался поставить эту проблему. См.: Л. Е. Кубель, Проблема происхождения государственности в Западном Судане, II Международный конгресс африканистов, Доклады делегации СССР, М., 1957.

ского развития доколониальной Африки развитию средневековых Европы и Азии. Больше того, известный науке материал содержит немалое количество данных, которые подтверждают единство исторического процесса в Африке и других частях света, несмотря на некоторые, зачастую довольно существенные, локальные особенности африканских обществ. Вместе с тем нельзя не сказать, что сильную сторону исторических работ Диопа составляет как раз стремление проследить эти особенности.

Обратимся теперь к собственно историко-культурным взглядам сенегальского ученого. Здесь основной исходной мыслью выступает, с одной стороны, утверждение об исконно африканских происхождении и характере цивилизации Древнего Египта, а с другой — положение, что современные культуры народов Африки к югу от Сахары суть прямые преемницы древнеегипетской культуры, более того, что основные ценности этих культур во всех областях, от языка до государственности, представляют собою прямое заимствование из сокровищницы египетского наследия.

Но Диоп не ограничивается этим. Не менее важной составной частью его концепции служит тезис о первичности африканских культур, в частности древнеегипетской, по отношению ко всему культурному достоянию современного человечества. Причем, когда говорится об африканских культурах, то имеются в виду исключительно негро-африканские; это обстоятельство — краеугольный камень всей концепции, и его необходимо все время помнить.

Автор начинает свои построения с того бесспорного факта, что именно на африканском континенте обнаружены практически все переходные стадии между австралопитеком и *Homo sapiens*. Далее упоминается, и тоже вполне справедливо, что грималийский человек более древен, чем кроманьонец. И на этом основании делается вывод о том, что человечество началось с негроидов; лишь позднее, в результате дифференциации, от них отделились предки нынешних европеоидной и монголоидной больших рас (стр. 13—16)²³. Сам Диоп очень резко возражает против термина «негроидный» и его производных, утверждая, что термин этот был введен европейскими исследователями, чтобы «смазать» чисто негрский характер раннего человечества. Правда, тут же автору приходится признать, что его точка зрения на происхождение двух других больших рас человечества не встречает сочувствия у большинства специалистов-антропологов. Но он настаивает на ней, отрицая попутно существование в Африке множества расовых типов и обвиняя европейских ученых в стремлении лишить негрский элемент населения Африки его всеобщности. Именно в этой связи и появляется уже упоминавшееся заявление о принципиально различной «интеллектуальной настроенности» (*attitude intellectuelle*) африканского и европейского исследователей (стр. 26)²⁴.

Диоп совершенно прав, когда критикует рецидивы печально известной «хамитской теории», встречающиеся, например, в классическом труде Баумана, Турнвальда и Вестермана²⁵. В этом отношении его позиции совпадают с точкой зрения советских ученых, которые немало сделали для опровержения этой теории²⁶. Однако вряд ли правомерно ставить в один ряд с этой откровенно расистской концепцией те взгляды и терминологию, которых придерживается подавляющее большинство современных исследователей, ни в какой мере не зараженных расистскими предрассудками.

Обе последние работы Диопа — «Первобытная история человечества» и «Первенство негритянских цивилизаций» — включают специальную главу, которая носит совершенно недвусмысленное название: «Негрское происхождение народа и цивилизация Египта»²⁷. Здесь автор для доказательства своего тезиса использует материалы археологии, искусствоведения, лингвистики, приводит выдержки из античных авторов. Все эти материалы в последнем счете призваны доказать либо черную пигментацию древнеегипетского населения, либо негроидные черты в его антропологическом строении. Используются и данные антропологических исследований; правда, сам Диоп выражает к этим данным определенное недоверие на том основании, что они получены были без участия ученых-африканцев. А как раз антропологические материалы и оказываются, на мой взгляд, довольно неутешительными для авторского замысла. В самом деле, те цифры, на которые опирается Диоп, хоть и показывают, по его мнению, относительно большинство людей с ярко выраженными негроидными чертами в населении Древнего Египта (36%), в то же время не оставляют никакого сомнения в том, что по меньшей мере половина этого населения принадлежала к кроманьонидному и более того — к средиземноморскому антропологическим типам. С другой стороны, ссылка на мнение Буля и Валуа относительно устойчивости антропологического типа населения Египта, несмотря на превратности исторического развития последнего, «работает» как раз против точки зрения Диопа, так как французские ученые говорят не о негроидном антропологическом типе, а о средиземноморском (стр. 42—43)²⁸.

²³ Cp. Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, pp. 449—453.

²⁴ Cp. Там же, стр. 461—462.

²⁵ H. Baumann, R. Thurnwald, D. Westermann, *Völkerkunde von Afrika*, Essen, 1940.

²⁶ См., например, Д. А. Ольдерогге, Хамитская проблема в африканистике, «Сов. этнография», 1949, № 3.

²⁷ Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, pp. 462—492; его же, *Antériorité des civilisations Nègres*, pp. 27—64.

²⁸ Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, pp. 484, 488.

Однако сенегальский историк считает, видимо, что приводимых им материалов вполне достаточно, чтобы утвердить тезис об исконно негрском составе населения Древнего Египта: говорится о «подлинной, черной египетской нации» (стр. 176) и о том, что Египет в этническом отношении оставался черным на всем протяжении своей древней истории (стр. 172). Все эти утверждения можно было бы в конце концов рассматривать как научную гипотезу, пусть и недостаточно еще подтвержденную, если бы не непрерывно нарастающий мотив категорического противопоставления «черных» — «белым». Мотив этот появляется параллельно с утверждением о негрском характере Древнего Египта и настойчиво повторяется в дальнейшем. Я далек от мысли отрицать органическую связь населения Древнего Египта и его культуры с негроидными жителями остальной части африканского континента — для советской науки это общепринятая истина²⁹. Но настойчивое подчеркивание якобы непреодолимого отличия людей негроидной и европеоидной больших рас (в превосходства первых над вторыми) в последнем счете оказывается не таким уж далеким от тех антинаучных теорий, в приверженности к которым Ш. А. Диоп винит большинство европейских исследователей.

И совсем уже неправомерно смешивать расу и культуру, как сделано это в главе VIII книги «Первенство негритянской цивилизации». Здесь например говорится, что египетская цивилизация была «негрской, без всякого внешнего вклада, европейского или семитского», и что она и погибла именно вследствие своего гомогенного характера» (стр. 163). Получается, что именно предполагаемой негроидности антропологического типа своих создателей обязана была древнеегипетская культура своими великими достижениями. Что речь не идет о полемической оговорке, видно из того, что вышеприведенный тезис доказывается «ее (культуры Древнего Египта.— Л. К.) глубоким родством с негро-африканской психологией». Так вдруг появляется в несколько специфической форме одна из главных теоретических посылок «негритюда».

Не говоря уже о методологической слабости подобной точки зрения, аргументация Диопа в данном случае не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики. Нельзя утверждать, будто признание наличия в древнеегипетской культуре различных по происхождению компонентов есть злонамеренная попытка растворить все то же «негро-африканское историческое сознание» (стр. 164). Паука на нынешнем уровне ее развития не знает герметически замкнутых культур; никакая цивилизация не может и не могла существовать без каких бы то ни было внешних контактов. Не была исключением в этом смысле и цивилизация Древнего Египта. Она сыграла огромную роль в развитии культур Средиземноморья, на ранних этапах этого развития она, действительно, занимала господствующее положение в этом регионе. Но никакие контакты не могут быть строго односторонними, как утверждает это Диоп (стр. 273). Поэтому культурную историю Средиземноморья, а тем более — человечества в целом, нельзя сводить исключительно к древнеегипетским влияниям, отрицая, что и сама цивилизация Древнего Египта что-то приобретала от общения с другими. Что же до утверждения, будто египетская культура ничего не получила от своих соседей, то его довольно легко опровергнуть и с фактической стороны. Ограничимся лишь двумя заимствованиями. Передняя Азия дала Египту железо — во всяком случае до настоящего времени никто из сторонников африканского происхождения египетского железа не смог привести сколько-нибудь серьезных доводов в пользу своей точки зрения. Оттуда же, из Передней Азии появилась в Египте лошадь. Едва ли кто-нибудь станет возражать против того, что эти заимствования сыграли немалую роль в развитии древнеегипетской культуры.

Основываясь на таких исходных посылках, сенегальский историк мог прийти только к тем выводам, которые в свое время стали объектом суровой, но справедливой критики со стороны Р. Мони и Ж. Сюрэ-Канала³⁰. Но в последующих работах Ш. А. Диоп не только подтвердил свою приверженность к этим выводам, но и постарался развить их дальше. Коротко говоря, его точка зрения сводится к тому, что как Африка, так и Европа обязаны практически всеми достижениями своей культуры заимствованиям у Древнего Египта или, поскольку Диоп считает негрский характер древнеегипетской цивилизации доказанным, — у негроидной части населения земного шара. Так, влияние модели политической организации типа империи, каким представляется автору Египет, распространено (через Александра Македонского и Карла Великого) до Наполеона I (стр. 145). Негроиды (или, придерживаясь точки зрения Диопа, просто «негры») оказываются предками населения всей Передней Азии, осуществившими впоследствии аккумуляцию пришедших «нордических элементов»; при этом оказывается, что и семитская семья языков произошла в конечном счете от негро-африканских языков (стр. 191—192). А негроидному происхождению семитских народов древности посвящена целая глава «Первенство негритянской цивилизации» (стр. 190—194).

Немалое место уделено также древнеегипетскому происхождению культур доколониальной Черной Африки. Так, происхождение фульбе ведется из Египта времен

²⁹ См. М. А. Коростовцев, Древний Египет и народы Африки южнее Сахары, ВДИ, 1963, № 4; Б. Пиотровский, Связи культуры Древнего Египта с культурой Африки, «Africa. Африканский этнографический сборник», VII, ТИЭ АН СССР, т. 93, Л., 1969.

³⁰ R. Mauny, Rev. на «Nations Nègres et culture» и на «Afrique Noire pré-coloniale», RIFAN, t. XXII, 1960, sér. B, No 3; J. Sureau-Canale, Rev. на «Nations Nègres et culture», «Recherches Africaines», No 4, 1960.

XVIII и XIX династий на основании «совпадения» египетских и фульских этнонимов Ка и Ба: козь скоро «Ка» в древнеегипетских текстах обозначает быка, а бык — это фульский фетиш (*fétiche du reul*), значит, фульбе генетически связаны с Древним Египтом. Титул царей Буганды — «кабака» — прямо выводится из имени фараона XXV Нубийской династии Шабаки (стр. 199). Выдвигается гипотеза о напатском происхождении царств моси на основании сходных черт в ритуале религиозных церемоний и избрания царей (стр. 204), хотя более логично было бы говорить о стадильном, а не о генетическом происхождении таких черт.

Не раз возвращается Диоп к египетским истокам философских и математических достижений древнегреческой культуры. Здесь, особенно — в XI главе «Первенства негритянских цивилизаций», специально посвященной этой проблеме и носящей название «Передача культурных ценностей и знаний Египта в Грецию, и из Греции — всему миру» (стр. 216—230), он исходит из вполне справедливой посылки. Но в ходе развертывания аргументации эта справедливая сама по себе посылка все более переходит в тенденциозное преувеличение, приобретая в конце концов характер запальчивого спора о приоритете (например, о теореме Пифагора — стр. 222). Может быть, конечно, что эти преувеличения рождаются в пылу полемики, однако их доказательная сила от этого не выигрывает. Правда, и сам Диоп признает уже чисто греческий характер материалистических философских школ античности (стр. 224). Но это признание так и остается единичным. И здесь мы снова встречаемся с вариацией на темы «негритюда»: речь идет о провозглашении особой, мессианской роли Африки в истории человечества. Только так можно истолковать заключительные слова этой главы последней книги Диопа: «Сможет ли Африка, вооруженная всем своим историческим наследием, предложить решение, нормы жизни, пригодные для современного сознания, — или же ее поражение перед главной человеческой проблемой докажет непреодолимый характер человеческой судьбы?» Кстати сказать, здесь снова присутствует понятие «современного сознания» вообще, т. е. абстракция, лишенная реального содержания в современном разделенном мире.

Рассматривая историко-культурную концепцию Ш. А. Диопа в целом, приходишь к выводу, что сенегальский ученый исходил из совершенно справедливого стремления восстановить истинную роль Африки и ее народов в истории человечества, стремления положить конец недооценке их вклада в сокровищницу мировой культуры. Однако в ходе анализа этого вклада он пришел к противоположной крайности и, по сути дела, провозгласил «избранный характер» негро-африканских народов, их исключительную роль в истории человечества. Другими словами, здесь в полной мере проявилась все та же тенденция к противопоставлению путей развития Африки и других частей света, о которой уже пришлось говорить при анализе социально-экономических построений Диопа. И таким образом оказывается, что слова Ш. А. Диопа: «гипотезы ученых часто равноценны (для их авторов. — Л. К.) истинам»³¹ — с достаточным основанием могут быть отнесены к самому автору. Ведь он так и не сумел представить убедительных доказательств теории исключительности «африканского пути развития», хотя и утверждает в самой категорической форме, что она доказана.

Думается, что эта неудача Ш. А. Диопа проистекает прежде всего из самого существенного недостатка его работ — эклектичности методологии. В самом деле, в его теоретических построениях мы встречаемся с отголосками и концепций культурно-исторической школы (тезис о разных путях развития «арийских» и остальных народов или диффузионистское толкование историко-культурных явлений), и функционализма (тезис о «равновесии» внутри традиционных обществ), и экзистенциализма (именно в таком смысле толкует Диоп понятие «отчуждение» в применении к членам неполноправных каст). И в довершение всего Диоп пытается применять отдельные положения марксистской теории общественного развития, отбрасывая одновременно ее основу — материалистическое понимание исторического процесса. На такой базе еще можно как-то объяснить отдельные факты или явления, но в целом картина исторического развития неизбежно получится искаженной до неузнаваемости.

Вместе с тем подвергая критике те стороны концепции Ш. А. Диопа, с которыми не может согласиться советская наука, нельзя не воздать должное его большому труду, равно как и тем идейным побуждениям, которыми он руководствовался³².

Мы полностью согласны с его протестом против всяких форм опеки над африканскими народами (стр. 215). Мы безусловно поддерживаем его требование о создании новой национальной культуры в странах Африки (хотя, видимо, правильнее было бы говорить о многих национальных культурах) и о необходимости подлинной культурной революции (стр. 283). И, наконец, мы должны приветствовать работы Ш. А. Диопа как реальный вклад в то важнейшее дело культурного возрождения Африки, за которое борются и сам он, и миллионы африканцев и их друзей во всем мире.

³¹ Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, p. 452; его же, *Antériorité des civilisations Nègres*, p. 16.

³² Cp. Ch. A. Diop, *Les fondements culturels, techniques et industriels d'un futur état fédéral d'Afrique Noire*, pp. 7—41; здесь полнее всего изложены практически-политические аспекты концепции Ш. А. Диопа.